добно Зевсу-громовержцу, Вседержитель вселенной властно вторгается в деяния людей. Воображение живо представляет момент, как из уст колоссальной фигуры Спаса раздается могучий голос, повергающий в трепет свидетелей «чуда», и как затем постепенно постигается великое значение свершившегося: сам верховный владыка берет под свое покровительство Великий Новгород.

Под фантастикой религиозного мифа отчетливо выявляется глубоко символический смысл идеи, облеченной в форму поэтического вымысла, олицетворяющего собою представления новгородцев о нерасторжимой связи Софии и Спасова образа с судьбами Новгородской земли. Источником возникновения легенды послужило вполне земное чувство восхищения величественным созданием архитектурного гения — храма св. Софии, грандиозностью центральной фигуры росписи — изображения Вседержителя, наконец, вполне конкретной деталью этой фрески — необычным видом благословляющей десницы, имеющей вид «сжатой» руки. Магической силой поэтического воображения, чуткого к специфике пластического языка изобразительного искусства, «необычное» превращается в «чудесное», зрительно-осязаемый мотив преломляется в художественный образ широкого обобщения.

Легенда о Спасовом образе, как и все «Сказание о св. Софии», несомненно заслуживает специального исследования и как памятник художественно-поэтического творчества, и как исторический источник.[5] В настоящем сообщении мы рассматриваем только один вопрос, имеющий непосредственное отношение к происхождению легенды, а именно — иконографическую особенность изображения благословляющей руки Вседержителя, получившей название «сжатой» десницы. До сих пор не установлено происхождение этого иконографического варианта в древнерусском искусстве и его значение. Необычность такого изображения, послужившая основанием для определения его как «самописанной»[6] десницы, и до сих пор сохраняет свою загадочность, поскольку оно представляется единственным в своем роде изображением.

Прежде чем исследовать вопрос об иконографии «сжатой» десницы, необходимо выяснить, в чем же заключается особенность данного вида изображения. Важно также установить, насколько достоверным в иконографическом отношении является то изображение купольной фрески Софийского собора, которое известно нам по сохранившимся воспроизведе-

---

[5] «Сказание о св. Софии» как памятник литературы до настоящего времени остается не исследованным. Авторами XIX в. ценность его как исторического источника не подвергалась сомнению. В связи с открытием в 90-х годах прошлого столетия древней росписи в главе Софийского собора В. Мясоедов высказал сомнение в достоверности указанной в «Сказании» (по НЗЛ) даты росписи купола (1052 г.), считая «Сказание» источником поздним и недостоверным; он отдал предпочтение дате, указанной в Н1Л под 1108 г. (В. Мясоедов. Фрагменты фресковой росписи св. Софии Новгородской. Записки Русского археологического общества, т. X, СПб., 1915, стр. 15—34. Эта точка зрения является общепринятой. По вопросу о происхождении «Сказания» Д. С. Лихачевым было высказано мнение о том, что время возникновения легенды следует отнести к XV—XVI вв. (Д. С. Лихачев. Новгород Великий, М., 1959, стр. 79—80). В настоящее время нами предпринимается изучение текста «Сказания» по всем спискам, в результате которого можно будет установить, когда возникло «Сказание». В качестве предварительного вывода можно сказать, что мнение Д. С. Лихачева является справедливым по отношению к окончательной редакции. В основу «Сказания», вероятно, положены записи более раннего времени — второй половины XI в.

[6] Это название имеется в некоторых списках «Сказания», как например в «Сборнике летописном» третьей четверти XVIII в. (ГБЛ, Музейное собр., ф. 178, № 733, л. 91 об.).